

Мила Ефремова

Свет
неугасимый

Людмила Ефремова

Свет неугасимый

«Издательство Интернационального союза писателей»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ефремова Л. Ю.

Свет неугасимый / Л. Ю. Ефремова — «Издательство
Интернационального союза писателей»,

ISBN 978-5-6055644-4-7

В книгу поэта, прозаика, члена Союза журналистов России Милы (Людмилы Юрьевны) Ефремовой вошли стихи и проза, созданные автором в течение её шестидесятилетней жизни. Что-то уже публиковалось в вышедших в Якутском и нижегородских издательствах книгах: «Характер» (1985), «Шла, тихонько напевая» (2003), «Ловец бабочек» (2005), «Сказки нашей жизни» (2010), но немало и того, что издаётся впервые, в частности написанное автором в последние годы её жизни. В оформлении книги использованы фотографии из личного архива составителя.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6055644-4-7

© Ефремова Л. Ю.
© Издательство Интернационального
союза писателей

Содержание

От составителя	8
Для тех, кто завтра придёт	12
Миланечке	20
Шла, тихонько напевая	21
Шла, тихонько напевая	21
«Мы пели часто бестолково...»	23
«Я неправа, конечно...»	24
«Каприз капли тем и был хорош...»	25
«Ничего не понимаю...»	26
«Всё то, что было: было и прошло...»	27
«Старый дом на четыре окошка...»	28
«Ах, рыжая Белочка, солнечный зайчик...»	29
«Он пьяный пускает слюну...»	30
«Зачем я смеялась над другом...»	31
«Молчи, молчи. В глубинах зреет слово...»	32
«Как пусто в доме. Как опрятно...»	33
Четыре возраста	34
«Всё будет по-прежнему...»	38
«Что-то выплеснет, что напроорочит...»	39
«Мы шли друг к другу, выбирая путь...»	40
«Сгорел у друга дом...»	41
«Надоедают звонки телефонные...»	42
«Писать бы мне сирень-цветочки...»	43
«Я так люблю моих друзей...»	44
Портрет моего знакомого	45
«Мы приходим к вам с бутылкой...»	46
«О ты, мой местный гений...»	47
Всего и было...	48
«Ещё не прирастают звуки слов...»	50
«За всё, За всё меня прости...»	51
«Ничего-то мне нынче не нравится...»	52
«Не целуй меня так страстно...»	53
Медвежий угол	54
«Ржавая хвоя...»	56
«То-то будет вольному воля...»	58
«Снежные розы цвели на скамейке...»	59
«Сыро в доме, сыро...»	60
Автобусные стихи	61
«А если и любовь...»	62
«Не надо меня тиранить...»	63
«Ничего не будет, слышишь...»	64
«От чужой судьбы согреюсь...»	65
В кафе «У камина»	66
«Любовь моя, не покидай меня...»	67
«Блестящими ролями...»	68
«Идёт – один из миллионов...»	69

«Оживаю постепенно...»	70
Моё понимание любви	71
«Живи, любовь, живи...»	72
Петергоф	73
«Никогда...»	74
Смелый блюз	75
Про искусство	76
«Поэт не может не страдать...»	77
«Я знаю высшую свободу...»	78
«Мы будем ещё жить – отчаянно и трудно...»	79
«Мария... Анна... Свет в окне...»	80
«Из рваной котомки потёртого неба...»	81
«Такая вот пустычная...»	82
«Успокойся, дружок, успокойся...»	83
«В сугробах коченел речной вокзал...»	84
«Букет настурций я купил на рынке...»	85
Песенка для себя	86
«Ах, лето! Зной. Играем в чёт и нечет...»	87
«Я сошью зелёное платье...»	88
«Снег падает и тает...»	89
«Не хочу ни любви, ни забавы...»	90
«Впереди – четыре долгих месяца...»	91
Вам	92
«Зима всё медлит, не уходит...»	93
Весенняя элегия	94
«Так уж выходит. Однажды в дожди...»	95
«Я не думаю о тебе...»	96
«Я ушла от Дон Жуана...»	97
«Незванный гость, явлюсь на торжество...»	98
«Нет ни обиды, ни тоски...»	99
«Я никуда не уходила...»	100
«В обмылках рук...»	101
К вопросу о национальной политике	102
Странные стихи	103
«Ни в Земле обетованной...»	104
«Учу иврит – занятная утеха...»	105
«Шур-ша-а-ат...»	106
«Вот так уходит жизнь...»	107
«Проверь дверь...»	108
Триединое	109
Песня	110
Диптих I	111
Рассказ	112
Диптих II	113
«В Крыму, в Коктебеле...»	114
Диптих III	115
«От меня почти не осталось...»	116
«Какое счастье, дорогая...»	117
«Вот и новый год...»	118

«Может быть, я просто недослышал...»	119
«Кострами пахнет по весне...»	120
«И солнце займёт небосклон, и луна...»	121
Молодое вино	122
Ленинградские наброски	123
Отречение	124
Возвращение	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Мила Ефремова

Свет неугасимый

Поэзия. Проза. Откровения

© Мила Ефремова, 2026

© Интернациональный Союз писателей, 2026

Составитель сборника Михаил Песин

* * *

От составителя

По правде говоря, не представлял, как непросто мне будет написать эти несколько строк, предваряющих книгу Людмилы Ефремовой – поэта милостью Божией, весёлой, переполненной энергией, искрящейся талантами Миланечки, которой в августе минувшего года исполнилось бы семьдесят. Непросто потому, что не понимаю, как можно рассказать в них о человеке-творце, масштаб которого и за тридцать три года подаренной Богом совместной с ней жизни так и не смог осмыслить. Поэтому, предоставив читателю возможность определить собственное отношение к её творчеству, предлагаю просто пройти по некоторым реперным точкам шестидесятилетней жизни Поэта.

Оттолкнёмся от того, что хоть и начинается одно из её стихотворений строчками: *«Мы шли друг к другу, выбирая путь / По компасу, по карте, по указке...»*, рождение в семье офицера военно-морского флота никаких возможностей «выбирания пути» не предоставило. Появившись на свет под сенью белоснежных хребтов Фанских гор в жарком Душанбе (тогда ещё Сталинабаде), почти сразу же волею военного командования была перенесена она в суровые, ветреные холода городка Видяево на берегу Баренцева моря. Там-то двухлетняя Милаша, встав на табурет посреди кухни барака, в котором проживали семьи моряков-подводников, впервые заявила о своём даровании, продекламировав экспромт: «Керогаз, керогаз, не пыхти ты на нас!». Потом был город Даугавпилс, и наконец – юность в Горьком: школа, музыкалка, радиофак политеха. И везде – лучшая! Золотая медаль, красный диплом... Но главное, сколько себя помнила – стихи, стихи, стихи! Яркие, сочные, непохожие на всё, что писали сверстники, соратники по литстудии при Горьковском СП СССР, руководимой знаменитым Стариком – прекрасным нижегородским поэтом Борисом Ефремовичем Пильником, литобъединениям «Данко» и «Марафон».

Милочке два годика

В те, называемые застойными, годы для инженера-системотехника завода имени Фрунзе стихотворчество вполне могло остаться, как тогда говорили, самодеятельностью: «вольнодумному» автору не то что об издании первого поэтического сборника – о более-менее приличной газетной публикации невозможно было и мечтать.

И всё-таки Судьбе было угодно распорядиться по-своему. «*В сугробах коченел Речной вокзал... и был, конечно, первый поцелуй... когда за тридцать...*» – написала она после нашего первого свидания, и через несколько месяцев, спасая любовь, укатили мы на край света, аж в Якутск! Без денег, без жилья. С одной лишь верой друг в друга да в твёрдость обещания редактора республиканской «Молодёжки» взять меня на работу и помочь семье обустроиться. Решиться на такой шаг матери двух маленьких сыновей – безумство храбрых! Но в награду – почти моментальное и безусловное приятие её таланта местной литературно-театральной тусовкой, публикации больших поэтических подборок в литературно-художественном журнале «Полярная звезда», не говоря уже о литературных страницах республиканских газет. И наконец – первая книжка стихов «Характер» в Якутском книжном издательстве.

Потом было ярчайшее десятилетие жизни на БАМе в столице Южно-Якутского территориально-производственного комплекса – городе Нерюнгри, где, во-первых, осуществилась её мечта о работе со словом (Людмила стала корреспондентом городской газеты «Индустрия Севера», членом Союза журналистов России), а во-вторых, выполняя поручение Якутского отделения СП СССР, создала и долгие годы вела литобъединение «Серебряное звено», вырастив из «рабочих поэтов» не одного профессионального члена писательского союза.

Казалось бы, чего ещё? Но только не для Милы с её неуёмной тягой к познанию чего-то нового, доселе ей неведомого. Достигнув высот профессиональной журналистики, она неожиданно для всех устроилась... завлитом Нерюнгринского республиканского театра кукол и, следуя завету любимого поэта Бориса Пастернака во всём стремиться «дойти до самой сути», пошла учиться на театральный менеджмент в московскую Высшую школу театрального искусства при Российской академии театрального искусства. И вновь – отличница! Неудивительно, что в суровые 90-е, когда разрушающаяся жизнь в «розовом городе мечты» вынудила вернуться в Нижний, Миланя безоговорочно была принята на должность заместителя директора Нижегородского театра оперы и балета.

...Мы будем ещё жить – отчаянно и трудно,
Навязчиво и трубно нас будет звать судьба.
И просыпаться вновь холодным серым утром,
И по дорогам вскользь лететь невесть куда...

Неиссякаемое жизнелюбие, творческая неудовлетворённость и любопытство ещё не раз будут заставлять её менять место работы, профиль занятий и даже... получать новую профессию. Отучившись на кафедре практической психологии НИРО, начала она «лечить человеческие души» не только поэтическим, но и профессионально-врачебным словом.

Приходили ко мне разговаривать разные люди...

.....

...Я их боли смывала по мере своих умений.

Их боли смывала... Должно быть, кровью сердца. А собственная страшная Боль подкрасилась исподволь. И когда стала явью, возникла дилемма: смириться с ней либо сделать отчаянную попытку одолеть.

Знаешь, что такое Боль?

Изволь.
Так соль,
разъедая тело, горит огнём
в нём...

Последний раз, словно замыкая круг, Судьба выстроила Миланин путь опять в жаркий край. На этот раз в израильский город Ашдод, где профессора клиники Каплан подарили надежду, которой она жила ещё два с лишним года...

Шла, тихонько напевая,
башмачками топоча...
...свет неслышно погасила
и ушла, как не была.

А вот – дудки! Свет души твоей, Поэт Мила Ефремова, твоего облачённого в поэтические строчки таланта погасить невозможно, ибо он – неугасимый!

*Михаил Песин,
поэт, член Союза писателей Москвы*

Для тех, кто завтра придёт

О творчестве Людмилы Ефремовой

Прекрасному предела нет. Так же как и совершенству.

Поэт прекрасен тем, что жив, непредсказуем и меняется каждую секунду; он в той же мере дитя мгновения, в какой и ребёнок Вечности.

Как нам быть с теми, кто уже ушёл за горизонт, перешагнув Порог?

Людмила Ефремова, Мила Ефремова, Мила... Людмила – милая людям. И – милая стихам, любимая стихами: ощущение, что она носила стихи за пазухой, у сердца, как драгоценных белых голубей, и, внезапно и сильно руками взмахнув, выпускала их, бросала в небо: летите!

Бросала – людям... крылатый хлеб поэзии, крылатую мечту о вечном путешествии, о вечном Мире в сердце твоём...

Мила ушла. Ушла ли, если её стихи – с нами? Может, ей ещё только предстоит прийти к людям? Вернутся голуби. Возвратятся странники по звёздам. Они не расскажут о скитаниях своих: они о них – споят.

Молчи, молчи. В глубинах зреет слово,
Ему ещё являться не черёд,
Оно ещё для дела не готово —
Не дышит, не играет, не поёт.

Молчи, молчи, наивный прорицатель,
До времени замкни свои уста,
Следи куда за гаданьем капель
По розовой ладони лепестка.

Переживай зерна произрастанье
И вымиранье редкостных зверей.
Пусть не открыть – пытайся вникнуть в тайну
Всего живого на земле твоей. (...)

Мила – смелый человек. Она нарушала, разрушала, запрещала, возрождала, воскрешала себя. Собирала по крохам. Лепила на ощупь, вслепую. Улыбалась, когда особенно крепко и дико судьба хватала за горло. Она, как в той знаменитой старой песне, шла по жизни смеясь, и только самые близкие, самые родные и любимые люди видели её слёзы, понимали её отчаяние, утешали и утишали её боль и горечь. Человек не живёт без трагедии, особенно поэт, изначально настроенный на камертон радости, но вынужденный жить в самой сердцевине земных страданий.

Как преодолеть Время? Как с ним, с главным врагом, побороться? Очень просто: надо стихом обнять и полюбить его. Чистый и честный голос, искренний, полный великой любви, всегда далеко слышен. Но, как любое искусство, поэзия не только искренностью жива; поэзия не терпит приблизительности, лукавства, дилетантства, неумения, лицемерия, лживого пафоса. Для того чтобы сыграть «Лунную сонату» или «Полонез-фантазию», надо сначала долго, страдально, терпеливо учиться музыке. Чтобы играть, как дышать. Играть, как жить. А жить так, как музыка звучит. Как поэзия – дышит...

У мамы на руках и на Севере тепло...

От нижегородских круч над Волгой-матушкой до сибирских гольцов, от якутских синих, железных морозов до жёлто-каменного, песчаного зноя Иерусалима – немало щедростей показала ей Земля-планета, поднесла судьба-звезда, как хлеб-соль, на широком зимнем, серебряном, заиндевелом блюде. Жизнь и судьба – не синонимы. Судьба вышита ярким крестом по снегам и пескам, а жизнь – она внутри. Она есть биение сердца. Она – тайна. Ты сидишь в кресле, ты лежишь в кровати, ты закрываешь глаза, с трудом преодолевая боль, зачёркивая её черновик крошечным сном, а жизнь стучит в твоей груди, разрывая хрупкие рёбра, и ты понимаешь: сейчас вылетит птица, негоже ей в неволе томиться. Дух веет, где хочет! Древняя Библейская истина целиком и полностью подтверждена поэтом в строчках, что льются слезами,

пррезают тело кровью, но душа, как ни странно, исцеляется именно ими. Дух – это лечебный бинт, снежная марля. Дух – хлеб для голодных, мир для измученных сражениями, вера для тех, у кого отняли Бога.

И Дух – его работа! – да, в поэзии.

Ещё не прирастают звуки слов
К сознанию, что странствует по телу,
Как лодочник, забросивший весло,
Плывущий наугад в тумане белом.

Скрыты поволокой небеса,
И не видать ей ни конца, ни края.
Ах, лодочник, в седых твоих усах
Не золотая рыбка ли играет?

Эй, лодочник, пройдемся по песку.
Возьмём с собой измученное тело,
Нальём вина, разгоним грусть-тоску...
Ну что тебе искать в тумане белом?

Молчание. Размыты корни слов.
Из влаги проступает абрис лодки.
Эх, лодочник, забросивший весло,
Куда-то ляжет путь твой некороткий...

... а с папой – морским офицером и вовсе ничего не страшно

Мы не знаем, что такое поэзия. Почему человек говорит в рифму, слагает стихи. Только ли потому, что его жизнь интуитивно, изначально ритмизована и, как в той шутиливой Библии музыканта Ганса фон Бюлова, *am Anfang war der Rhythmus...* («В начале был ритм...»)? Только ли потому, что первозданная, первобытная поэзия – это песня и молитва? Мила Ефремова жила поэзией; так живут надеждой на спасение терпящие бедствие, так передают огонь – из рук в руки – погибающие от нашествия тьмы кромешной. «...Так начинают жить стихом», – сказал когда-то Борис Пастернак, и всякий поэт жить стихом продолжает внутри всех передряг и предательств, внутри всех войн и замиренений, на фоне глобальных потрясений и личных неизбывных драм. И стихи становятся прочным (и, увы, таким тонким!) канатом, по которому поэт переходит жизнь над пропастью смерти: отважно, безоглядно и стремительно.

А если и любовь —
то всё одна и та же.

А если и печаль —
то только о тебе.
А если и мечты —
то не мечтаю даже.
Я не хочу измен
в простой своей судьбе.
и если этот мир
положен мне в награду
и если этот мир
тавром мне на плечо
возложен палачом —
иного мне не надо,
хоть со слезами, но...
«Ещё, – спрошу. – Ещё!»
Великая судьба
иль горькая судьбина —
года произведут
свой точный пересчёт.
Но даже если я
твой светлый рай покину,
и на пороге в ад
«Ещё, – спрошу. – Ещё!»

Поэт Людмила Ефремова... Помню её широко распахнутые цветочные огромные глаза, глаза цвета неба, а вернее, цвета весенней фиалки. Она глядела так же, как пела. Её голос, нежный и сильный, когда она читала стихи, превращался в чудесный природный вокал, и стихотворение обретало очарование архаического, почти античного, забытого мелоса. Но перед нами – при всём изяществе стиля и образной и семантической грациозности – современный художник. Миле были вняты все дымные, кровавые и остросюжетно-необратимые приметы Времени, в котором она жила. Ведь она была журналисткой – а это значит, свидетелем. «Свидетельствую, ибо истинно»¹. И да, конечно, «...блажен, кто посетил сей Мир в его минуты роковые» (Ф. И. Тютчев). Со всей громадной сердечной чашей своей Вечной Женственности (ею она была одарена безмерно), Мила насквозь видела, как некий духовный рентген, рок преступления и обречённость возмездия. Стиховую фантазией, вольным полётом поэтики она спасалась от пытки безжалостной документальностью, от болевого порога жёсткой и жестокой правды.

В традиции русской поэзии – сражаться стихом.

Но в традиции русской поэзии и утешать стихом. И перевязывать стихом раны. И прощать стихом прегрешения. И молиться стихом – сиречь самую любовью – на пороге гибели о бесконечной жизни.

Ничего не будет, слышишь?
Будет так же, как всегда,
Тот же ветер биться в крышу,
Замыкая провода.

Те же вымокшие сени,

¹ Ин. 8:14

Перекошенный венец,
И любовь – из опасенья
Не отчаяться вконец.

Прозаик Людмила Ефремова... А чем проза отличается от поэзии? Как говорил Максимилиан Волошин, проза – стихи, записанные в строчку, а поэзия – проза, записанная в столбик. Шутки шутками, но личность человека неделима; у ритмики прозы, у её вербального наполнения свои законы, кто же спорит, но если в прозе автор перестаёт быть поэтом, проза теряет смыслы: то, ради чего её создают. Мила – поэт и в прозе; прозу ей было легко писать – журналистская школа помогала в композиции, в разработке сюжета; но ведь искусство – это чувство, а чувство есть чистая поэзия, и ей Мила никогда не изменяла.

«Человек лежал на жёлтом песке. В ногах у него колыхалось синее море. Над головой висело синее небо. В синем небе летела белая птица. Ей это трудно удавалось – трудно лететь в висящем небе. Птица усердно махала крыльями, словно пытаясь перелистнуть слипшиеся страницы. Человек поднялся с песка прямо в синее небо и полетел рядом с птицей, помогая ей перелистывать страницы. Он не заметил, как сам превратился в эту белую птицу, но, когда понял, синее море уже лежало под ним, заливая видимое пространство от края до края, небо расширилось и потеряло границы. Оно поднялось вверх, изогнулось куполом, уходя краями в бесконечность. (...)»

Прожить жизнь во взлёте или в падении?

Прожить жизнь в пути к вершине, в синие небеса – или в мучительной дороге в пропасть забвения, в чёрную яму никому-ненужности и бессмыслицы?

Жизнь непонятна нам, живущим. Ещё более непонятна смерть. Мы все боимся смерти; мы не хотим о ней и говорить, и думать; мы делаем её нравственным табу; но не проходит и дня, чтобы мы не говорили, пусть шёпотом, о ней и не помышляли о ней, хоть краем сознания.

Поэт переступает Порог. Боже, как жаль расставаться! Я не сделал всего, что хотел. Я ещё не надышался. Я ещё не сказал любимому человеку, как беспредельно я люблю его. Что со мной будет там, за Порогом? Ждёт ли там жизнь? Разве смерть – пустота? Зачем Мирь устроен именно так, не иначе? И что я, поэт, могу сделать ещё для моего Мира, ведь завтра я его покину навсегда?

Я могу – спеть.
Мою последнюю песню...
А завтра она станет первой.
Для тех, кто завтра – на землю – придёт.

Вот свет, за которым кончается дом.
И дом, за которым кончается свет.
И нам говорить уже можно о том,
Чего нет в помине и в памяти нет.

Там чёрным асфальтом застыла река.
Там в каменном небе висят облака.
Там мёртвою хваткой сжимает рука
Века.

Но ты, за которым кончается жизнь,
И жизнь, за которой окончишься ты, —
Всего лишь томление сжатых пружин?

Всего лишь могильные в лентах цветы?

Пусть солнце устало сойдёт в облака.
Пусть так же бессильно повиснет рука.
Но кто-то ж поднимет заздравный бокал!
Пусть так!

А ты, за которым кончается жизнь,
В дому, за которым кончается свет,
Возьми себя в руки
и продержись.
Привет!

*Елена Крюкова,
поэт, прозаик и искусствовед,
член Союза писателей России*

Миланечке

Прогуливаясь чинно по бульварам
на склоне остывающего дня,
какой бы мы смотрелись славной парой,
когда б ты не покинула меня.

Лучи заката нам бы лица грели,
ложились листья под ноги, шурша,
и мы бы вместе не спеша старели
и уходили в вечность не спеша.

Когда бы мне тебя на этом свете
подольше задержать хватило сил,
как был бы каждый новый стих твой светел,
какие б тайны для меня открыл!

Мой друг, мне несказанно одиноко!
До хруста сводит скулы немота.
Душа, как в перевёрнутый бинокль,
глядит, скользя по избранным местам
свиданий наших, споров и скитаний,
рассматривая радости вразброс,
сводя с ума от сонного дыханья
и запаха рассыпанных волос.

Мой друг! Ты завещала – продержаться.
Как видишь, я держусь – ещё, пока.
И эти листья, что, шурша, кружатся,
и этот остывающий закат,
пьяня хмельным сентябрьским настоем,
ещё спасают душу от трухи.
И, кажется, бормочутся порою
твоих небес достойные стихи.

Михаил Песин, 2023 г.

Шла, тихонько напевая

*Шла,
тихонько
напевая*

Шла, тихонько напевая

Шла, тихонько напевая,
башмачками топоча,

на везенье уповая,
оглянулась сгоряча.

Непоспешна, небезгрешна,
но наивна испокон,
спелой ягодой-черешней
закатилась на огонь.

Погостила, погрустила,
обсушила два крыла,
свет неслышно погасила
и ушла, как не была.

Шла, тихонько напевая...

«Мы пели часто бестолково...»

Мы пели часто бестолково.
Мы пили часто, бестолково,
по подворотням и столовым,
что было и тогда не ново.

Мы пили часто – пели чисто.
Овалов наши хризантемы
светились нежно и лучисто
у пьедестала вечной темы.

И тени вечные летали,
роняя призрачные перья,
но мы, бравируя летами,
стихов не сочиняли – пели!

Нам было просто, было лихо
ронять слова, как листья в осень,
как солнцу радужные блики
легко ронять, не мучась вовсе.

Мы были, может быть, неправы,
но, кажется, тогда лишь жили,
когда умели крикнуть «Браво!»
над сочиненьями чужими.

Ах, как нам всё легко давалось:
дружилось, верилось, мечталось,
что все мы будем гениальны,
что поезд наш не отошёл
и даже что в дороге дальней
мы сядем все за общий стол...

«Я неправа, конечно...»

Я неправа, конечно,
ах, как я неправа!
Мне мячики черешни
ныряли в рукава.
И в ямочке ключицы,
где дрёма их свела,
им снилось, будто птица
там гнёздышко свила.

А может быть, им снились
два листика-крыла...
Я неправа, мой милый?
Я снова неправа.
Я неправа, конечно,
есть в жизни больший толк,
чем ягоды черешни,
чем тела смуглый ствол.
Чем в прошлогодней почте
забытые слова...
Но что им до того, что
я вечно
неправа!

«Каприз капли тем и был хорош...»

Каприз капли тем и был хорош,
Что был по-детски весел и беспечен!
Он еле умирал себя под вечер,
К утру ж его охватывала дрожь.

Нелепою горячностью гоним,
Он прыгал с крыш на головы прохожим,
Их щёлкал по щекам, хлестал по коже...
Но что они могли поделать с ним?!

Когда ж (ещё был март) звенел мороз
И гнал людей в тепло под одеяло,
Малыш садился, не смутясь нимало,
Играть в шары оледеневших слёз.

«Ничего не понимаю...»

Ничего не понимаю,
Ничего не говорю...
В небе бабочка летает,
Лето клонит к сентябрю.

Я валяюсь на спине,
Я кусаю колосок.
Солнце ползает по мне,
Золотит седой висок.

Муравей залез в рукав,
Муравей пускай неправ —
Мне не хочется сердиться,
Я на равных среди трав.

Я такая же букашка,
Или клевер, или кашка,
Или даже зверобой —
Всё равно горжусь собой!

Я не лошадь, не батрак,
Мне не страшен ваш бардак.
Я валяюсь среди поля
В эту среду
просто так!

«Всё то, что было: было и прошло...»

Всё то, что было: было и прошло.
К чему трясти набитою мошною.
Исканье истины – пустое ремесло
И мало не доходное – смешное.

Устали гнуть рапиры храбрецы,
Под Дон Кихотами издохли Росинанты,
С шутами поменялись мудрецы
И колпаками, и расцветкой мантий.

Перевернулся мир. Что толку в нём,
Когда на пьедестале ложь и скука
И под могучим бронзовым конём
Лежит придавленная не змея, а муха?

Куда как громки трубы тех властей,
Куда как робки черни разговоры.
И лезут в козыри шестёрки всех мастей —
Из грязи в князи – подлецы и воры.

О как тяжёл начавшийся спектакль
И как бездарны зачастую роли.
Но бросить всё? Оставить просто так?
Ну нет! У нас ещё достанет воли

Всё доиграть! До точки. До конца.
До тех ещё неизмеримых далей,
Где сути аллегории певца
Ни зритель, ни он сам не разгадали.

«Старый дом на четыре окошка...»

Н. Д.

Старый дом на четыре окошка,
К старой лестнице старый подъезд,
На заборе старинная кошка,
Старый мех у которой облез.

В этом стареньком доме старушка
Тридцати с половиной годов.
У неё есть китайская кружка
И знакомых до сотни голов.

А ещё у старушки – подружка,
И не кто-нибудь вовсе, а я!
И по поводу этой петрушки
Сочиняется песня моя.

Если спросят меня, почему ж так
Мне охота старушку любить,
Я отвечу им так: потому что
Ей не стыдно старушкой быть...

«Ах, рыжая Белочка, солнечный зайчик...»

Ах, рыжая Белочка, солнечный зайчик,
Кому вы несёте свой тоненький пальчик?
Кого перламутром печальной Венеры
Коснётесь наутро с улыбкой неверной?

Кого напоите коктейлем из стопки,
Где смешаны чувства, слова и поступки,
Где пьяная вишня томится упрёком...
Ах, рыжая Белочка, чёрное око.
Кого вы искали?
Кого вы достали?
От глаз не исходят морщинки печали,
И меркнет улыбка, как день на пределе...
Но люди не видят.
Но люди при деле.

При деле одели.
При деле раздели.
При деле заели.
При деле отпели.
При деле забыли, засыпали пылью...

Но корнем былинка срастается с былью
И тянет росток свой под солнце,
и значит,
живёт моя Белка, мой солнечный зайчик!

«Он пьяный пускает слюну...»

Он пьяный пускает слюну,
Он рифмы бормочет невнятно,
Он требует – что? Непонятно, —
Зрачками упёршись в луну.

И можно ль его уважать?
И можно ль пред ним преклоняться?
Да полно! Какие богатства
Хранит пропитая душа?

И он ещё учит уму,
К тому ж неказист и невзрачен.
Но, Боже, как чист и прозрачен
Тот стих, что даётся ему!

«Зачем я смеялась над другом...»

Зачем я смеялась над другом
И дёргала острым плечом,
Когда говорил он:
– Я буду
Писать, ибо знаю о чём!

Зачем мои дерзкие губы,
Усмешку тая в уголках,
Шептали надменно:
– Я буду
Писать, ибо ведаю как!

Зачем мы не вняли друг другу?
И вот, исправляя просчёт,
Гоняем, как лошадь по кругу,
Он – как...
Я, понятно, – о чём...

«Молчи, молчи. В глубинах зреет слово...»

Молчи, молчи. В глубинах зреет слово,
Ему ещё являться не черёд,
Оно ещё для дела не готово —
Не дышит, не играет, не поёт.

Молчи, молчи, наивный прорицатель,
До времени замкни свои уста,
Следи покуда за гаданьем капель
По розовой ладони лепестка.

Переживай зерна произрастанье
И вымиранье редкостных зверей.
Пусть не открыть – пытайся вникнуть в тайну
Всего живого на земле твоей.

Когда ж тебе привидится причина
И суть явлений высветит ясней,
Молчи, молчи... Великие мужчины
Об этом не болтают, ей-же-ей!

«Как пусто в доме. Как опрятно...»

Как пусто в доме. Как опрятно,
Полы оранжево-чисты.
И даже солнечные пятна
Не нарушают чистоты.

Хожу по убранной квартире,
Сама оранжево-чиста.
Вне одержимости гордыней.
Вне ошутимости креста.

Четыре возраста

Всё можно, всё – когда бы только знать,
Что это в утешение и в радость.
Пускай бушует девственная младость —
Всё можно, всё – когда бы только знать.

Всё можно, всё – когда бы только знать,
Что светофор не загляделся красным
Бесовским светом... Пусть и без соблазна,
Но кое-что возможно – только б знать.

Всё можно, всё – теперь. Гляди вперёд!
Твой тепловоз оставлен машинистом,
Свистит листва, и стрелочник неистов...
Всё можно, всё. Теперь – гляди вперёд!

Отличница-пятиклашка

19-летняя студентка радиофака политеха

Всего лишь полтинник

«Всё будет по-прежнему...»

Всё будет по-прежнему —
Не доискаться
Причин невозможности
Не повторяться.
Всё будет по-прежнему:
Ветер отвоет,
Снега отойдут,
И суставы отнюют.
И ворох сирени
Под соловьями
Согнётся, как сучья
Сентябрьских яблонь.
По-прежнему кто-то
Однажды заметит,
Что с дыней чарджуйскою
Родственен месяц.
Что звёзды летят,
Словно падают листья,
Что короток август
И Спас уже близко.
Что, видимо, вскоре
Закончится лето
И снова присльшится
Песенка эта:
Всё будет по-прежнему...

«Что-то выплеснет, что напроорочит...»

Что-то выплеснет, что напроорочит
К ночи исповедальная мгла?
За оградой из тысячи строчек
Я жила, как могла.

Я люблю эту прочную клетку
Больше прочих причуд.
Кто же это придумал так метко —
Жить мне так, как хочу.

Вот и майся теперь. Вот и маюсь —
День за днём позади —
От лиловых в младенчестве маек
До цепи на груди.

Вот и выросла, и повзрослела,
Вот и в тело вошла.
И опять ничего за пределом
Этих строк не нашла...

«Мы шли друг к другу, выбирая путь...»

Мы шли друг к другу, выбирая путь:
По компасу, по карте, по указке,
Но тут один из нас решил махнуть
На всё. И укатил на Каспий.

И компас тот подвох не раскусил —
С ферритовой упорностью кретина
Тащил меня на Север что есть сил,
И с картой, впрочем, та ж была картина.

Конечно, мы не встретились тогда,
И друга всяк нашёл себе другого.
Не раз места сменились и года,
И вот однажды прихожу к знакомым.

Гляжу – сидит какой-то явный шиз,
Небритый, в волосах гуляет ветер.
– Вы, извините, – говорит, – не из?..
– Из!.. Из!.. – спешу ему ответить.

Он засиял как новый медный таз,
Захотел залиvisto и сочно:
– А я давно разыскиваю вас,
Вот рассчитал, и что ж – довольно точно!

Мы тут же в дружбе поклялись навек,
Он занял рубль, слетал до магазина...
Ну что сказать – хороший человек.
А он украдкой посмотрел на сына.

– Однако всё могло бы быть не так... —
Забормотал.
Завсхлипывал.
Заплакал.
И только потный солнечный пятак
Всё тискал в мощных заскорuzлых лапах.

«Сгорел у друга дом...»

Сгорел у друга дом —
И дом-то был неважным,
И было в основном
Имущество бумажным.
И дали для семьи
Квартиру лучше прежней
И повод, чтоб сменить
Постылые одежды.

Что ж плакать? Времена
Бывали и почище.
Но, что ни день, жена
Идёт на пепелище
И бродит по углам
Обугленного сруба,
Где с пеплом пополам
Воспоминаний груда.

Ах, этот старый дом...
Он слишком много знает.
Он слишком скопидом,
Чтобы делиться с вами.
Душа его черна —
Куда чернее лона.
Зачем же ты, жена,
Кладёшь ему поклоны?

Чего ты ищешь тут?
Каких таких видений?
Обрывки ссор и смут —
Черта его владений.
Пусть в чёрных потолках
Уже не видно грязи,
Ты, двери потолкав,
Вернёшься восвояси.

А он замрёт во тьме,
Развесив ставни-уши,
Обрыдлевший тебе,
Осточертевший мужу.
Ненужный, как тапёр
Со сломанной ключицей...
С ним ничего теперь
Дурного не случится.

«Надоедают звонки телефонные...»

Надоедают звонки телефонные,
Не увлекает игра.
Снова хожу по исхоженной комнате,
Как привиденье, стара.

Тень роковая за каждую малостью,
Годы видны наперёд.
Даже того, с кем обнималась ты,
Холод и ужас проймёт.

В мире, где правят сон и усталость,
Лишь поклоненье судьбе —
Всё, что осталось,
всё, что осталось,
Всё, что осталось тебе...

«Писать бы мне сирень-цветочки...»

Писать бы мне сирень-цветочки:
Всё это ценится друзьями,
А я выкатываю строчки,
Как бочки с тучными язями.
И получаю оплеухи
За то, что, вечно двуедина,
Я половиной – сею слухи
И разум сею – половиной.

«Я так люблю моих друзей...»

Я так люблю моих друзей,
Что иногда во снах
Встречаю их, и праздник сей
Пьянит, как ысях²

Я с ними пьяно говорю
И рьяно пью вино,
Я если что и натворю,
Так с ними заодно.

Мои друзья, как на подбор,
Злы, веселы, умны,
Мне скажут: «Что за разговор!
Мы тоже видим сны,

Где, зла, умна и весела —
Что лучше, не поймёшь, —
Ты без кормила и весла
По улице гребёшь».

И мы вот так поговорим
И разойдёмся вновь
Друг другу заполнять гарем
Цветных, горячих снов.

.....

О, стая диких обезьян!
О, пламенные львы!
Мои давнишние друзья,
Приснившиеся мне друзья,
Да, право, есть ли вы?

² Ысях – якутский праздник встречи лета.

Портрет моего знакомого

А. П.

От площади Горького до Маяковки,
Минуя Почайну, срезая углы,
Шагает прохожий без остановки —
Прохожий, похоже, во власти игры.

То что-то бормочет он, то напевает,
То глазом прищуренным зыркнет на миг.
И пятятся о-то-ро-пе-ло трамваи,
Когда переходит он линию им.

Прохожий угрюм и к тому ж хромоножка.
Потёрт пиджачишко и брюки стары.
Но в маленьких глазках сияют подложно
Зрачки – не зрачки, а две чёрных дыры.

Там бестии водят свои хороводы,
Там вьюги беснуются навеселе,
И музыка сфер от вершин небосвода
С рыданием ливней спадает к земле.

Прохожий идёт как ни в чём не бывало,
Набив до оскомины звуками рот.
А солнце над ним полковым запевалой
В поту и в пыли одурело орёт...

«О ты, мой местный гений...»

М. П.

О ты, мой местный гений,
Моя мирская блажь,
Без права вдохновений
Судьбу мою уважь.

Пропой тугим фальцетом,
Аккордом оглуши
Тоску жены поэта
В холодной злой глуши.

И я себя припомню,
И стану горевать
И свой ничтожный подвиг
Геройством называть.

И лампа среди ночи,
И сон в зените дня
Покажутся не очень
Постыдны для меня.

Всего и было...

1

Душа заплакала, проснувшись,
Ей было холодно и сыро.
В тоске о празднике минувшем
Сох на столе кусочек сыра.

Душа ребёнком пятилетним
Закутывалась в одеяло.
Шёл снег, и долго в небе бледном
Над миром солнце не вставало.

Вползал в окно тягучий сумрак —
Уныло и обыкновенно...
Душа пригрелась, и уснула,
И стала счастлива, наверно.

2

Весь день проспять.
Лишь к сумеркам проснуться,
Лениво, долго приходя в себя.
Проснувшись, потянуться, улыбнуться,
Пустую простынь рядом теребя.

Пойти на кухню и поставить чайник.
В темнеющем окне ослабить взгляд.
Побыть всего возможностью случайной
Без до мажора и минора ля.

Побыть ничем – всего самой собою,
Стаканом, не наполненным питьём,
Беспомощной, заигранной трубою
На паперти
с футлярчиком вдвоём.

Без ожидания звонка в прихожей,
Без нудной телефонной болтовни...
Всего лишь день.
О, дай мне силы, Боже,
Прожить иначе остальные дни.

3

Всего и было – неохота
Обозначать и то и это.
Лишь беспричинная забота
Ловила мысль в свои тенета.

И с темнотой сливались тени,
И было просто непонятно,
Зачем наивник и бездельник
Толкает время течь обратно.

Будильники впадали в ярость,
Отсчитывая вспять столетья,
Но ничего не изменялось:
Ни мор, ни глад, ни лихолетья.

По-прежнему в пустой квартире
Бродили брошенные мысли,
Вода карабкалась в сортире,
В шкафу, скучая, вещи висли.

И пустота огромным оком
Охватывала твердь пространства...
Всего и было – неохота
Ни перемен, ни постоянства.

«Ещё не прирастают звуки слов...»

Ещё не прирастают звуки слов
К сознанию, что странствует по телу,
Как лодочник, забросивший весло,
Плывущий наугад в тумане белом.

Сокрыты поволокой небеса,
И не видать ей ни конца, ни края.
Ах, лодочник, в седых твоих усах
Не золотая рыбка ли играет?

Эй, лодочник, пройдемся по песку.
Возьмём с собой измученное тело,
Нальём вина, разгоним грусть-тоску...
Ну что тебе искать в тумане белом?

Молчание. Размыты корни слов.
Из влаги проступает абрис лодки.
Эх, лодочник, забросивший весло,
Куда-то ляжет путь твой некороткий...

29 марта 1997 г.

«За всё, За всё меня прости...»

За
всё,
за всё меня прости:
за мысль, зажатую в горсти;
за нервный окрик «отпусти».

Прости за всё, что было «там»,
но я вовеки не отдам
свой упоительный бедлам
страстей.

За —
чем же,
качаясь
то вправо,

то влево,
вращаясь на пару
с чужим кавалером,
как снег прошлогодний,
пожалуй, ещё бледней,
всё медленней,
мед-ленней,
мед-лен-ней,
мед-лен-ней
мне в жизнь опускаться...

За всё, за всё меня прости.
Согрей сочувствием собрата
и между прочим погрусти:
она ни в чём не виновата.

«Ничего-то мне нынче не нравится...»

Ничего-то мне нынче не нравится,
Ни о чём не трепещет душа.
Жизнь идёт по канонам и правилам,
Оттого, знать, и нехороша.

Серый Север измучил простудами,
Ожиданием, смертной тоской.
«Вам туда?» – говорят.
«Нет, оттуда мне», —
И машу на прощанье рукой.

Тараканьего счастья не вестница,
Отчего ж так отчаянно мучаюсь
Подступающей бессловесностью —
Этой самой блаженною участью...

«Не целуй меня так страстно...»

Да разве знают дети юга...

И. Эренбург

Не целуй меня так страстно,
Не люби меня так жалко.
Юность скрылась безвозвратно,
Словно праздник без подарка.

В серых сумерках февральских,
В ледяной ноябрьской стуже
Только голосочек ангельский
Всё плачется и тужит.

.....

За тройной оконной рамой
В белых улицах мерзейших
Разыгралась личной драмой
Жизнь интеллигентов здешних.

Медвежий угол

Я сижу в своём медвежьем углу
И реву в своём медвежьем углу:
Что же это я в медвежьем углу
Быть довольною ничем не могу?
И сменялась я на лисью нору,
Не смеялась ране – ныне ору:
Что же это я и в лисьей норе
Прозябаю, как в последней дыре?
И тогда я упросила дрозда
Поделиться половиной гнезда.
Хоть и странно это было дрозду,
Но пустил меня за скромную мзду.
Вот сидим мы вдвоём,
На два голоса поём,
Хорошо ли, плохо ли —
Весело живём.
Только стала я порой уставать:
Что ни песню петь – ему
подпевать.
Знать, не голос – подголосок
у меня,
И не я ему, а он мне родня.
И сижу-то я в дроздином гнезде.
И реву-то я в дроздином гнезде...

Два поэта – два атлета

«Ржавая хвоя...»

Ржавая хвоя
На чёрной земле.
Всё в твоей воле —
Лги обо мне.

Пегой травы
Прошлогодние сны —
Вот и начало новой весны.

По нерюнгринской
Жиге угля
Истово брызнет
Свет хрусталя,
Чтобы
С высоким солнцем в связи
К полдню растаять
В чёрной грязи...

На встрече с читателями-нерюнгринцами

«То-то будет вольному воля...»

То-то будет вольному воля,
То-то будет нищему доля,
То-то будет и мне наука
Петь без голоса и без слуха.

И в далёкой чужой Сибири
Водку пить, словно эль с имбирем,
Чтобы к ночи, очнувшись графом,
Полстраны будить телеграфом.

Золотой-то дождь хрусть червонцем...
Погляди-тка, Мила, в оконце —
Там луна – словно мятый стольник,
Там Якутск вместо Первопрестольной.

«Снежные розы цвели на скамейке...»

Снежные розы цвели на скамейке,
С веток свисали снежные гроздья,
Снежность вилась золотистой змейкой
В царстве асфальтов и чёрных морозов.

Вот и гостиницы каменный бункер.
Мимо скользнуть за стеклянную дверью,
Мимо администраторши-буки
Под африканский пальмовый веер.

Размежевать всё, что было и стало.
Стало – отметить оранжевым светом.
Было – губой, примороженной к стали,
Болью ответить на память об этом.

И на холодных казённых простынках,
Лёжа бессонно в затхлом уюте,
Тщетно надеяться: сердце остынет,
Разум смирится... Что ещё будет?

«Сыро в доме, сыро...»

Сыро в доме, сыро.
Пусто в доме, пусто.
Ни кусочка сыра,
Ни листа капусты.
Не пыхтят кастрюли,
Не горланят дети.
Льют и льют в июле
Ливни на рассвете.

Автобусные стихи

Чья ты? Откуда ты? Кто ты такая?
Милая девушка – пена морская...
Из боттичеллевых, что ли, полотен
Модным течением к нам занесло тебя?

Как я искал тебя?
В каждой прохожей
Что-то похуже,
Что-то похоже,
Что-то уж вовсе прекрасно,
И всё же
Не обдавало морозом по коже.

Медноволосая, ты-то откуда?
В гаме автобусном бледное чудо.
Провинциальное чадо Венеры,
Раны душевной отсвет неверный.

Солнце давно моё за облаками.
Только глазами тебя обласкаю,
Только губами твой выдох поймаю.
Что со мной, милая?
Не понимаю...

«А если и любовь...»

А если и любовь —
то всё одна и та же.
А если и печаль —
то только о тебе.
А если и мечты —
то не мечтаю даже,
я не хочу измен
в простой своей судьбе.
и если этот мир
положен мне в награду,
И если этот мир
тавром мне на плечо
возложен палачом —
иного мне не надо,
хоть со слезами, но...
«Ещё, – спрошу. – Ещё!»
Великая судьба
иль горькая судьбина —
года произведут
свой точный пересчёт.
Но даже если я
твой светлый рай покину,
и на пороге в ад
«Ещё, – спрошу. – Ещё!»

«Не надо меня тиранить...»

Не надо меня тиранить,
Не надо со мной злословить,
Не надо трескучей тирадой
Винить неуютность условий.

А надо меня любить,
Как розовый куст за оградой,
Где свил паучок свою нить
Под маятник летнего сада.

Вот так же, прицелившись метко
И шаг рассчитав под ветер,
Качаться к шипам на ветке
И ласковости соцветий.

«Ничего не будет, слышишь...»

Ничего не будет, слышишь?
Будет так же, как всегда,
Тот же ветер биться в крышу,
Замыкая провода.

Те же вымокшие сени,
Перекошенный венец
И любовь – из опасенья
Не отчаяться вконец.

«От чужой судьбы согреюсь...»

От чужой судьбы согреюсь,
От своей не отвернусь.
Тайна Дориана Грея
Мне известна наизусть.

За обнявшею рукою,
За распахнутым плечом
Не Америку открою —
Разгадаю, что почём.

Многолетнее брожение —
Вот и сделалось вино,
Где до головокруженья
Прикасание одно.

В кафе «У камина»

В кафе «У камина»
Тепло от камина,
Но греет мне спину
Не жаром огня.
В кафе «У камина»
Сидит некто милый
И с грустной миной
Глядит на меня.

А мимо камина
В сиянье карминном
Летит его милая —
Вечность в глазах.
И пахнет малиной
Цветок розмарина
В курчавых её
Золотых волосах.

Ах, мне б эти очи!
Ах, мне б эти встречи!
Ах, мне б эту вечность
В ночных небесах!
Но кто там бормочет?
И кто там перечит?
Ах, мне бы...
Ах, небо...
Ах, не было б...
Ах...

«Любовь моя, не покидай меня...»

Любовь моя, не покидай меня
В пути моём, слепом и быстротечном!
И даже если ты беды предтеча,
Любовь моя, не покидай меня!

В какие ни захочешь времена,
В какие ни припомнишь из столетий,
Вся из восторгов, вся из междометий,
Любовь моя, не покидай меня!

Ведь даже если горя семена
Обронишь ты со зла иль ненароком,
Мне и тогда не избежать порока
Кричать вослед: «Не покидай меня!»

«Блестящими ролями...»

Блестящими ролями
И глубиною глаз
Над бездною рояля
Вы покоряли нас.

Потом встречались чаще,
И, «Вы» на «ты» сменяв, —
О Боже, что за счастье! —
Ты покори́л меня.

Но время пролетело,
Сомненье проросло:
Постой-ка, неужели
И это – ремесло?

«Идёт – один из миллионов...»

Идёт – один из миллионов,
И я – одна из миллионов,
И мы – одни из миллионов —
Идём друг к другу наугад.
Но он – один из миллионов —
И я – одна из миллионов —
Вдвоём не встретимся никак.

Он закликает: «Боже правый!»
Я повторяю: «Боже левый!»
Ну что тебе, голубчик, стоит
Свести два страждущих пути?
Но Боже, правый или левый,
Не слышит наших уговоров.
Ему, конечно, безразлично,
Куда, кому, зачем идти.

Я проплываю теплоходом,
Он проезжает тепловозом,
И в тот момент, когда две тени
Соединяются в одну,
Вослед ему машу платочком
И ровно через обращенье
Едва заметить успеваю
Навстречь летящий белый флаг.
А Бог из глубины Вселенной
Глядит на две кружащих точки
И думает: «Что за настырный,
Смешной и вычурный народ...»

«Оживаю постепенно...»

Оживаю постепенно,
Выхожу из виража
По заплёванным ступеням,
Где не дремлют сторожа.

Выхожу на божий сумрак
В свет зачавшегося дня,
Снивелирована суммой
Разновсяческих меня.

Поклонюсь чужому зною,
Что, истратив страстный пыл,
Примирил меня со мною
И на волю отпустил.

Моё понимание любви

Нет ничего хуже, когда ноют зубы.
Нет ничего паскудней, когда болит голова.
Нет ничего банальней, когда мои губы
Воспринимают просто, как дважды два.

А ведь любовь – это не алгебра и даже не высшая математика!
Это полёт фантазии в такие миры,
Где голова под крышей медного тазика
Прекрасней Аполлона Бельведерского и всякой прочей муры.

А впрочем, я не против классических пропорций,
Мне даже нравятся мышцы, выпирающие изнутри,
И потому в душе моей рождается некий консорциум
Ранней утренней зорьки и зернистой икры.

Если хотите, это и есть моё понимание любви,
А всё остальное – лишь краткое предисловие
К ранениям сердца, бескровнее пулевых,
Но крайне опасных для любого здоровья.

И потому я говорю сегодня: Вани, Пети, Серёжи,
Вам всё-таки удалось поймать меня на крючок,
Если я, свободная до последней клеточки кожи,
Верещу, как последний запечный сверчок!

Но лишь до той поры, пока опять не заноят зубы,
Пока паскудно и нудно не заболит голова,
Пока мои роскошные, мои любвеобильные губы
Не будут понимать просто, как дважды два!

«Живи, любовь, живи...»

Живи, любовь, живи!
Пусть в этом сердце тесно,
Пусть мало в нём удобств
И много суеты.
Но где ещё тебе
Так будет интересно?
И где ещё найдёшь
Такое сердце ты?

Живи, любовь, живи!
Не придавай значенья
Тем алчущим иным,
Что выстроились в ряд.
Ты столько в шутовском
Ходила облаченье,
Что миг разоблаченья
Смутит тебя навряд!

А мы с тобой с утра
Заварим крепкий кофе
И выйдем на балкон
Спокойно покурить,
Чтоб сверху посмотреть,
Как сумерки уходят,
И новый светлый день
Ещё раз повторить!

Петергоф

Петергоф являл себя как чопорный сановник.
Его с утра причёсывал садовник.
Под перестук и мерный шорох грабель
Разравнивались керамзит и гравий.
Дорожек твердь катилась под ногами.
В тумане проступал в лимонной гамме
Дворец.
Как пуговицы на мундире,
Сиял Большой каскад посередине.

«Никогда...»

Никогда
Никому
Ни о чём.
Ты ведь знала, что так оно будет —
Это он о тебе не забудет,
А тебе будет всё нипочём.

Заструится рука от плеча,
Ты махнёшь, и как будто прилежно,
Но уже расстояние безбрежно,
И вчерашнее не с чем сличать.

Годы-горы,
Века-облака,
Даже солнце – и то между вами.
Ты стоишь, попирая ногами
Даль, что он подпирает слегка.

Смелый блюз

Наперекор календарю
Я всё равно тебя люблю,
Тепло своих колен дарю
И под шуршанье смены блуз
Пою тихонько смелый блюз:
Любовь моя, моя печаль,
Прощай...
Прощай...
Прощай...
Прощай...

Тыходишь в дом,
Снимаешь плащ,
Ты говоришь в ответ:
Не плачь...
В окне затихнет злая мгла,
На диск опустится игла,
Вздохнёт свеча,
Остынет чай...
Прощай...
Прощай...
Прощай...
Прощай...

Про искусство

Вяжет зубы рябина чёрная,
Возбуждает рябина красная.
То ль девица я не учёная?
То ль царица я не прекрасная?

Я в своём садовом контейнере
Меж лопат и грабель почитываю
Поутру Дидро или Гейне,
А под вечер – Камю и Битова.

Сigaretки курю заморские,
А как выйду к любимой яблоне,
Вспоминаю пиры Загоскина
И мечтаю о том, как я б на них
Погуляла с купчишкой пьяненьким!
Показала красу и умство!..

Вот такие у нас под яблонькой
Разговоры идут про искусство.

«Поэт не может не страдать...»

Поэт не может не страдать.
Его перо рисует муки,
когда, лицом впадая в руки,
он проливается в тетрадь.

Поэт не может не звучать.
О, эта странная банальность,
души натянутой бинарность —
молчаньем звуки отличать.

Поэт не может не творить.
Он вытворяет, что захочет,
страсть жизни между нот и строчек
растворена в его крови.

Поэт не может...
ничего.
Он многословно...
однозначен.
Он кончен...
так же как и начат.
Он лжец...
но я люблю его.

«Я знаю высшую свободу...»

Я знаю высшую свободу —
Свободу мыслить, и молчать,
И правде суетной в угоду
Поспешных гимнов не кричать.

Но верить истово и слепо
Её высоким миражам,
Где то же солнце,
То же небо
И во сто крат светлей душа!

Руководитель ЛИТО «Серебряное звено» Людмила Ефремова (первая слева вверху) со студийцами во время встречи с поэтом Риммой Казаковой (третья справа вверху). Второй слева сидит поэт Михаил Песин

«Мы будем ещё жить – отчаянно и трудно...»

Мы будем ещё жить – отчаянно и трудно,
Навязчиво и трубно нас будет звать судьба.
И просыпаться вновь холодным серым утром,
И по дорогам вскользь лететь невесть куда.

Мы будем ещё быть. Метаться и ломаться,
Ключицы паковать во влажные бинты.
И снова призывать друзей объединяться,
И биться в стену лбом, не видя пустоты.

Мы будем ещё петь в своём гражданском раже:
Товарищ, не молчи! – как совесть нам прикажет.
И не заметим миг, где, еле различим,
Возникнет в пустоте какой-то странный голос...
Колосс не упадёт и не созреет колос,
К тому не обнаружив видимых причин.

Но безо всяких нас... Ах, как это у Блока —
Всё так же высоко и так же одиноко
Тот голос будет... нет, не звать, не призывать,
Но литься просто так! Дробиться и струиться
Свободно и легко, как нам и не приснится,
И в самом честном сне покоя не давать!

«Мария... Анна... Свет в окне...»

Мария... Анна... Свет в окне.
Тяжёлый предрассветный сумрак.
Мария, помни обо мне,
Покуда я ещё не умер.

Ах, Анна, Анна, не забудь
Шаги на вытертых ступенях,
Когда я отправляюсь в путь
На ловлю звонких светотеней.

Вглядись в меня. Морское дно
Не знает бури и глумленья.
Мария, Анна – всё одно
В исходе безысходной лени.

Ещё не вписана строка,
И никому не объяснимо,
Что жизнь горька,
И смерть легка,
И обе пролетают мимо.

1992–1993 гг.

«Из рваной котомки потёртого неба...»

Из рваной котомки потёртого неба
дожди упали на тело планеты.
Дожди упали на тысячи рук,
тянувшихся в ливнем очерченный круг.

Дожди упали на слёзы и с ними
стекали по коже, как делали снимок
с печалей... И эти печали счищали,
как будто пылинки стирали с рояля,
чтоб лица играли – светло, белозубо...

Дожди упали, как бьётся посуда,
нежданно! На счастье!

Но с возрастом, с ростом
дожди упали устало и просто,
и шли по утрам, будто шли на работу,
большие дожди из далёкого года...

«Такая вот пустычная...»

Такая вот пустычная,
пустычная и зряшная,
такая вот незрячая
бродячая душа

в коротком куцем платье...
А жизнь всё катит-катится,
лишь к старости расплатится
серёжками в ушах.

«Успокойся, дружок, успокойся...»

Успокойся, дружок, успокойся.
Всё, что надо, ещё впереди.
Есть несчастья особого свойства,
если жарко и жадно в груди.

Эта старая дева – надежда,
эта глупая баба – мечта
никогда не наденут одежду,
под которой горит нагота.

Не по ним эта царская схима,
не для них золотые врата.
Успокойся и выпрями спину:
ты не с ними,
ты вовсе не та.
Между утренним сном и вечерним
на исходе московской зари
ты ещё обернёшься свеченьем,
как Тунгусский метеорит.

«В сугробах коченел речной вокзал...»

М. П.

В сугробах коченел речной вокзал.
Бесстыжие скамейки вверх ногами
себя безрезультатно предлагали...
– Здесь негде сесть, – ты горестно сказал.
– Мне всё равно, – я повела плечом
и оперлась о зябкие перила.
И вдруг мою ладонь твоя накрыла
так жаростно, так горячо.

А после был нетопленный подъезд,
тарачивший на свет слепое рыльце,
ступеньки выбитые, шаткие перильца...
Предлога не было, предложный был падеж.

И был, конечно, первый поцелуй.
Ах, первый поцелуй, когда за тридцать,
не раз целованы и нечего стыдиться,
казалось бы...
Но жался лоб к стеклу,
и пряталась от губ твоих рука...
Кто знает, чем закончилось бы это,
когда бы не февраль и я одета
на пять застёжек до воротника.

«Букет настурций я купил на рынке...»

Букет настурций я купил на рынке,
хоть не был я уверен, что торговка,
ухоженная старая еврейка,
меня не обманула, что с того!
Когда бы это были даже розы,
название их не было б прекрасней,
а если просто сорную траву
подсунула мне хитрая старуха,
то разве променял бы я возможность
держат в руках диковинное слово
на ругань за бессовестный обман!

Я нёс в руках сентябрьское солнце!
Витрины вспучивались, словно от пожара,
на миг вбирая наши отраженья.
Я нежно прижимал цветы к пальто,
как на прощанье голову любимой,
то вдруг я вспоминал себя отцом,
впервые взявшим на руки ребёнка.

Видения толпились за спиной.
Вставало марево турецких ароматов,
звонки трамваев плыли акварелью,
и щёки щекотали шепотки...

Идущая навстречу дама в шляпке
сказала спутнику: «Календулу нам тоже
на зиму не мешало б засушить».
Вмиг тошнотворным запахом карболки
ударил в нос мой неземной букет.

И всё же я принёс его домой,
поставил в воду и минут пятнадцать
недоуменно думал: «Он всё тот же!»
Но, несмотря на все мои уловки,
букет смотрелся лживым и помпезным,
а через сутки и совсем завял.

.....
Разнёсся слух, что ты меня не любишь.

Песенка для себя

Нет меня, нет меня злой, неуверенной,
есть я весёлая и молодая!
Нет меня за дерматиновой дверью,
есть я в зелёных просторах Валдая.
Нет меня там, где дрожат над копейкой,
но, если тётя в белом халате —
потенциальная миссис Корейко,
есть я ругаться супротив халатности.
И когда ставлю бутылку приятелям,
есть я, их мнением преувеличена.
Горько вздыхают вокруг обыватели:
дескать, вести себя так неприлично.
Дескать, куда мне до Листа до Ференца.
Но я спою им, упрёки глотая:
«Нет меня,
нет меня злой, неуверенной,
есть я
весёлая и молодая!»

«Ах, лето! Зной. Играем в чёт и нечет...»

Ах, лето! Зной. Играем в чёт и нечет.
Бежим к реке, взрывая вод покой.
В траве у пляжа хохотун-кузнечик
кокетничает с девичьей ногой.

Я помню, солнце виснуло на тыне,
мы хохотали, шурясь от жары.
И были мы такими золотыми,
как древние монетки Бухары.

Но вот зима. Ни времени, ни денег,
ни солнца нет. Нагуливаем жир.
И только в ванне с ходу обалдеешь,
как в чашечке пупка вода дрожит...

«Я сошью зелёное платье...»

Я сошью зелёное платье
с жемчугами и янтарём.
Я примерю твои объятия —
хорошо ли нам быть вдвоём.

А потом в золотистый сумрак
я уйду на исходе дня,
и никто из тех, кто не умер,
не увидит больше меня.

Но зато меж землёй и небом
я найду дорогих друзей,
мы в запас приготовим хлеба,
мы венки сошьём из левзей.

Нам не страшно и век потратить,
чтобы встретиться светлым днём.

.....
Подожди. Я готовлю платье
с жемчугами и янтарём.

«Снег падает и тает...»

*Чем шире рот,
тем чешире кот.
Владимир Высоцкий, «Алиса в Стране чудес».*

Снег падает и тает
и сер, как серый кот.
Неслышными стопами
ступает Новый год.

Пока грохочет пьянка
и свечи жгут пока,
он лижет валерьянку
и жаждет молока.

И рот его всё шире,
но жуток мысли ход:
а может, он чешире,
чем сам чеширский кот?..

«Впереди – четыре долгих месяца...»

Впереди – четыре долгих месяца,
позади – коротенькая жизнь...
Коромысло смысла перевесилось,
знай себе за краешек держись.
И хожу ль по разночинным улицам,
по чиновным лестницам всхожу —
всё шепчу себе: «Ну что за умница!
Ишь как равновесие держу».

Вам

За мелкие нелепости судьбы,
за вечные просчёты и обиды —
всё, обо что вы разбивали лбы
и чем бывали пуганы и биты,

вам вынесен последний приговор —
топить слепых, давить кровососущих,
чтоб вы надменно поднимали взор,
опущенный страданьем предыдущих.

Рабы всегда. Рабы во всём. Рабы
самих себя, обмана и испуга.
Безликие орудия борьбы,
судьбою загнанные в безысходность круга.

О как я ненавижу, Боже мой,
ваш бедный ум, ничтожное коварство.
И кто посмеет говорить со мной
об узах дружбы, равенства и братства?!

Я продираюсь через рёв толпы,
с себя сдирая узнаванья кожу.
Я не позволю вам топить слепых!
И зрячих бить вам не позволю тоже!

Оболгана. Раздавлена. Разбита.
Сторгована друзьями и детьми,
я доберусь до вашего корыта,
чтобы в орущей глотке встать костью!

«Зима всё медлит, не уходит...»

Зима всё медлит, не уходит,
но вот уже из-за морей
весна кораблики выводит
своих зелёных сыновей.

Они и впрямь отважно-юны
и вряд ли трезвого ума.
Но якорь поднят!
Полны трюмы!
И в рубке ветреность сама!

Весенняя элегия

Что происходит вокруг? Вдрабадан
тротуары пьяны от мёда Феба.
Застучали ветки
в барабан
неба.

Я скачу по улицам на каблуках,
суть моя просвечена капелью.
Счастье, конечно, не в пятаках —
счастье в двух копейках!

Трубку тяжеленную снимаю с рычага,
набираю номер, как мелодию по нотам.
Берёзовый веник и кочерга
за мной подглядывают...
– Кто там?
– Ах, это я. Я по адресам,
доселе неведомым или забытым,
собираю последние чудеса...
– Вы ошиблись. Это Дом быта.

Счастье, не отвернись от меня!
Нашариваю новые две копейки:
«О, посторонние! О, родня!
Кинотеатры! Бани и скверики!

Общество защиты гадких утят!
Кто согласится со мной быть в паре?»
Но отрешённо трубки гудят:
«Вы не ту-да...
не ту-да...
попали...»
Я поднимаюсь под облака,
нахожу в небесах полупьяного Вакха...
Кто-то сказал потом:
«Ну налакались!»
Кто-то потом
сочувственно ахнул.

«Так уж выходит. Однажды в дожди...»

Так уж выходит. Однажды в дожди
лето впадает, как мы в меланхолию.
Крик отлетающий: «Мама, не жди!» —
нас утешает, но маму не холит он.

Мамы сбегают, как стаи богинь
с лестниц. Их взоры, как руки, протянуты.
Кто этот статный высокий блондин?
Кто эта дамочка? Ах как подтянута!..

Мамы в смятенье не спят по ночам.
Мамы ревнуют к стихам и товарищам.
Мамы не верят, что дочка ничья.
Больше ничья уже... Или пока ещё?

И умирают однажды в ночи,
в спешке подумав, в последний раз, может быть:
«Боже, забыла поштопать носки,
боже, да кто же теперь им поможет-то?»

«Я не думаю о тебе...»

А. П.

Я не думаю о тебе,
не думаю.
Я придумываю про тебя,
придумываю.
Я подумываю,
что немного спятила,
если каждый сон —
сон под пятницу.
Всё сбывается в моих снах —
всё сбывается
и на мелочи
не сбывается.
Даже сон предвечерний —
правдашний,
даже друг мой далёкий
рядышком.

Здравствуй, друг мой далёкий.
Здравствуйте.
Поутру будет много
радости
оттого, что примчался
издали
ты меня из неволи
вызволить.

Я иду-свищу,
руки за спину.
В небесах будто кто
разбросал кутью.
И бредёт конвоирчик
заспанный
от меня к тебе
сквозь Якутию...

«Я ушла от Дон Жуана...»

Я ушла от Дон Жуана,
я ушла от Дон Кихота,
объяснила: я жена вам,
но слугой быть неохота.

У меня свои Лауры,
Дульсинеи, перспективы.
Широте моей природы
ваша скардность противна —

выбирать меж той и тою,
но не та я и не та я.
Вам – гоняться за мечтою,
я – мечты изобретаю.

Я ушла от Дон Кихота,
я ушла от Дон Жуана...
Долго мучила икота,
долго ныла в сердце рана.

«Незванный гость, явлюсь на торжество...»

Незванный гость, явлюсь на торжество,
где млеет стол в крахмале и фарфоре,
где ждут гостей за этот самый стол,
а вот меня не ждут.
Да что за горе!

Я всё равно явлюсь на торжество!
В дверях оставлю сумки и сомненья,
усядусь за прямоугольный стол,
налью вина,
остановлю мгновенье...

В своей затее яростно смела,
отмечу час, а может, все четыре
среди людей, которым не смогла
стать ближе, чем соседка по квартире.

Уйду, не разрешив, чья в том вина.
И вряд ли кто заметит между делом
в пустом фужере капельку вина
и то, как быстро время пролетело.

«Нет ни обиды, ни тоски...»

Нет ни обиды, ни тоски,
так просто женщина уходит.
На стуле в сумерках находит
сорочку, платье и чулки.

Через минуту всхлипнет дверь,
когда она, поправив стрижку,
сбежит по лестнице вприпрыжку
и тихо спросит: «Что ж теперь?»

Но прочь сомнения! Пинком
дверь настезь! Ничего, что больно.
Зато как безысходно-вольно
поставить точку каблуком!

«Я никуда не уходила...»

Я никуда не уходила,
холодным воздухом дыша,
к ботинкам кожи крокодила
тянулась утлая душа.

Напоминание в конверте —
мною не оплаченный налог
на жизнь от вдоха и до смерти —
лежало скрючившись у ног.

А осень объявила траур,
и чёрно-красный антураж
маячил в кронах и на травах
по праву выхода в тираж
умильных слёз, промильных плачей
вкось перекушенной узды.

Во вдовьем платье от Версаче
я отползала от беды,
но никуда не уходила,
бессильно ноги волоча
у края собственной могилы
под зорким взглядом палача.

«В обмылках рук...»

В обмылках рук
смычков зубные щётки
по струнам скрипок
щёлкают и трут,
как чистят зубы
Дворжаку и Брамсу.
Когда бы не Мацуев-стоматолог,
что ставит пломбы старому роялю,
не ведала б я этой красоты,
гармонией зовущейся.
А так,
в концертном зале,
в вышитой рубахе
я счастлива!

К вопросу о национальной политике

Дед кавказец, дед казах
в православном правиле —
это, братцы, верный знак,
чтобы жить в Израиле.

Греко-волжская родня,
казаки с евреями —
все боролись за меня
по велению времени.

Я – дитя СССР,
и таких найди ещё!
Мне любой нацмен – хавер,
в Хайфе ли, в Бердичеве.
Поднимаю красный стяг,
говорю себе: ништяк!
Мы, космополиты,
кем только не биты.

Греко-волжскою роднёй,
казаками, ой-ой-ой...
Мало ли уродцев
нас, международцев?

А была б ханты-манси —
и пощады не проси.
Хорошо не рыжая:
вовсе бы не выжила.

Боже мой, за что ж нас так?
И дурак, и не дурак,
кем уже ни был ты,
вечно будешь битым.

Странные стихи

Отрекаюсь от предисловия и послесловия,
ухожу от славословья в густое молчание,
отмываю персолью пятна со скатерти совести,
посыпаю солью снег на дороге отчаяния.

Уезжаю трамваем – утрешним, звонким, заспанным —
по кольцу городского маршрута от плюса к минусу,
улыбаюсь в мир, не смотрю по бокам и за спину.
– Ничего, – говорю, – я ещё не такое вынесу.

Между Чёрным прудом и Лыковой дамбой
с горделивой осанкой Пиковой дамы
задыхаюсь от пота своих сограждан,
умираю от жалости, как от жажды.

Возвращаюсь к себе, на окраину старого города,
в дом Отца моего – с любовью и странной гордостью.

«Ни в Земле обетованной...»

Ни в Земле обетованной
и ни в собственной квартире,
ни в трамвае и ни в ванной,
ни в сарае, ни в сортире

дай мне, Бог, покуда ноги
ещё носят к Храму душу,
не споткнуться на пороге,
чтобы свет Твой не нарушить.

«Учу иврит – занятная утеха...»

Учу иврит – занятная утеха
для женщины давно не юных лет.
Слова звучат как песня, но успеха,
увы, как не бывало, так и нет.

Гортань моя никак не держит звуки,
для головы мучительней нет муки,
чем безъязыкость ощущать свою.
И я в бессилье опускаю руки,
и скромно улыбаюсь, и... пою...

И звук летит, бежит, скворчит, скребётся,
без смысла, в первородной простоте,
и я уже не чувствую несходства
в иноязычной этой красоте.

И я уже – бескрылая – летаю!
И я уже – безногая – сбегая!
И – безъязыкая – смеюсь и хохочу.
О сколько я уже по жизни знаю!
И сколько я ещё узнать хочу!

Взята в полон иными племенами,
спелёната, как в пламя, пеленами,
рождественским горением горю,
я здесь везде.
И, скажем между нами,
я начинаю говорить... Я говорю!

«Шур-ша-а-ат...»

Шур-ша-а-ат
стебли камыша...
Виз-жи-и-ит
в воздухе вожжа...
Спе-ша-а-ат,
ускоряя шаг,

люди по чёрному лаковому асфальту,
на котором наклеены жёлтые листья.
Модницы накалывают их на тонкие каблуки,
как чеки на спицу в советских магазинах
накалывали продавщицы в белых халатах.

Шур-ша-а-а...
Виз-жа-а-а...
Спе-ша-а-а...

Розовые щёлки небес отражаются в мокром асфальте.
Розовые щёки невест, угрожая, цветут, как у Фалька.
Из слов... но на альте играет им слов... но Башмет
щемящую мелодию бесконечной любви:

Шур-виз-спе...
Виз-спе-шур...
Спе-шур-виз...
закруживая небо и землю в единый водоворот фата-морганы,
пока тот вдруг как не...

Ах? Нет!
Ух? Нет!
Жахнет!
Пока не пожухнет
блестящий ковёр жёлтых дыр под розовой плёнкой заката,
закатанный в чёрный асфальт.

Спаси-Бо, О-сень! Я вернулась то-бой под своды юности,
мокрая и счастливая, обнаружив себя перед розовой
вывеской «Пип-шоу».

«Вот так уходит жизнь...»

Вот так уходит жизнь,
с последним снегом
под синим небом,
уступая место
вечнозелёным травам и цветам:
нарциссам, незабудкам, нежным крокусам, —
внезапно обозначенная пропуском
между словами...
Что с того, что речь
опять журчит по ласковым равнинам.
Уходит жизнь. Всё мимо, мимо, мимо
вселенской пустоты и простоты.
И белые одежды
её растаскивает ветер
по прошлогодним высохшим кустам
холодным вечером.
Уходит жизнь.
Уходит незамеченно
под синим небом,
уступая место...

«Проверь дверь...»

Проверь дверь
Нерв замка
Нить коротка
Некрепка ткань

Проверь дверь
Примерь
Платье из дыр
Мзды и узды
Проверь дверь
Повесь ружьё
Что ни ворьё —
Рваньё и враньё

Успокойся
Верь
В дверь

Триединое

Знаешь, что такое Боль?
Изволь.
Так соль,
разъедая тело, горит огнём
в нём.

Знаешь, что такое Любовь?
Бровь
не поднимай.
Имай
слова улов,
полёт лет,
колкую лёгкость след в след.

Знаешь, что такое Жизнь?
Обнажись
хоть до нутра,
хоть до самых костей,
всё равно останешься с Тем,
Кто внутри и вовне,
в тебе и во мне
Триедин.

И мы хлеб едим.

Песня

Лети, фея, лети!
Летай, фея, летай!
Ты можешь нас отвести
в обетованный рай.

Ведь мы красивы, мы достойны,
Йоне-Ойне.
Мы послушные стада,
мы мечтаем об одном —
отведи нас всех туда,
в позабытый Отчий дом.

Мы забыли к дому путь,
разбрелись туда-сюда,
только больно ломит грудь,
и в очах блестит вода.

А ведь мы красивы, мы достойны,
Йоне-Ойне.

Лети, фея, лети.
Летай, фея, летай.
На долгом земном пути
заблудших нас собирай.

Согрей сердце Божьим лучом,
открой дверь волшебным ключом,
на дудочке пастушьей сыграй —
возьми нас в обетованный рай!

Ведь мы красивы, мы достойны,
Йоне-Ойне.

Но так высок феи лёт,
и в очах не вода, а лёд,
и только слышен грачиный грай —
где ты, обетованный рай?..

Диптих I

О нет, не уходи. Побудь моей рукою.
Побудь моим пером. Побудь моим стихом.
Нет, я не влюблена и этого не скрою,
но силы больше нет жить в мысли ни о ком.

О, дай досочинять роскошные палаты,
хрустальные дворцы, розарий у крыльца.
Что делать, если мы, по жизни виноваты,
не видим своего прекрасного лица.

И это не тоска, не боль, не унижение.
Но ветер перемен, как флюгер в вышине,
застыл и прекратил весёлое кружение...
О нет, не уходи. Подумай обо мне.

Рассказ

Где-то на краю Вселенной
в голубом прозрачном доме,
то ли призрачном, а то ли
крытом жестью или толем,
то ли днём, а то ли ночью
происходит вот что.

Спит младенец мой прекрасный,
муж приходит – очи ясны,
и неделя за неделей
я сижу за рукодельем
в голубом прозрачном доме
где-то на краю Вселенной,
не могу сказать, где точно,
происходит вот что.

Печь гудит, и кот играет.
Между Бытием и Раем
из рассыпанной крупы
я плевелы выбираю.
Я ещё не знаю точно,
я ль живу в прозрачном доме.
Я ещё не знаю точно,
явь ли это или сон,
но уже чернильной кляксой
заливает книгу Вечность,
поглощая постепенно
буквы, знаки и слова.
Только маленький ребёнок
всё агукает из плена,
всё аукает из тлена
и пытается спасти
печь, кота, меня и мужа
от безликого забвенья
в светлый праздник Воскресенья.

Вот и кончился рассказ.

Диптих II

Ах, как в это лето кружило пространство!
Оно искривлялось, кривлялось, кривилось,
сшибая устои, круша постоянство, —
скажите на милость!
Подайте на милость.

Тянулись ветвей узловатые пальцы.
Им вторя, ночами играл гармонист,
звенели монеты, и чинные вальсы
сменял эротический дребезг монист.

Ах, как в это лето кружило пространство!
Всего-то и было – заждавшийся случай
размыл акварелью графичную ясность,
разлил немоту, сделал время тягучим.

Не малость – но милость! Свобода полёта —
вздохнула душа из своей колыбели...
А мне повезло – искривлённое лето
случилось в июле в тот год в Коктебеле.

«В Крыму, в Коктебеле...»

В Крыму, в Коктебеле,
где мир акварелен,
где сопки тягучи,
а время тянуче,
где спят великаны в обличье предгорий...
Ах да, я ещё не сказала о море!
О том, как волна, гольшами играя,
смыкает земной и небесный – два рая.
И в этом, весьма искажённом, пространстве
я тихо живу, отдыхая от странствий,
от ран и от стран, от несбывшейся страсти...

В Крыму, в Коктебеле.

Диптих III

Всё было как прежде и будет как прежде.
Зажётся звезда, и погаснет звезда.
И снова зажёётся другая.
И жизнь разойдётся кругами
от брошенной в воду звезды.

Ах, только б хватило воды!

«От меня почти не осталось...»

От меня почти не осталось,
а осталось – самая малость,
и не то чтоб в походке иль облике,
а, скорее, улыбкою в облаке.

Опускаясь ниже и ниже,
пролетаю поутру над Парижем
и навстречу солнцу – к милой Италии,
а затем уже в Иран и так далее.

– И куда ты? И что тебе светит? —
кто-то спросит, но никто не ответит,
потому что слов почти не осталось,
а осталось – самая малость,

чтоб на бреющем между елями
мне успеть пропеть колыбельную.

«Какое счастье, дорогая...»

Какое счастье, дорогая,
Проснуться рядом ранним утром.
Просыпанная на пол пудра
Вчерашний праздник доиграет
На клавишине половиц.
Ну вот и всё. Средь сотен лиц —
Одно лицо. Одно, и только.
Хотя неведомо: надолго ль?
Но что за мысли в этот день!
Не примерять рассвету тень
От неизбежности заката,
Когда у плеч твоих покатых
Смятение слагаю ниц.

«Вот и новый год...»

Вот и новый год,
И метёт метелица.
Кто-то к нам придёт?
Что-то в нас поселится?

Старую беду
Выгоню из дома.
Нет, лучше я приду
Вовсе незнакомым.

Буду величав,
Весел и галантен.
В ласковых речах —
Деловитый практик...

Скажешь: «Перестань.
Старые болезни,
Словно береста,
Для огня полезней».

«**Может быть, я просто недослышал...**»

Может быть, я просто недослышал,
Как в саду буянила сирень,
Как рвалась она всё выше, выше
Над оградой памяти моей.

Может быть, я просто недовидел,
Как была ты в мае хороша.
Может быть, я просто ненавидел
Красоту твою, моя душа.

Может быть, недожалел когда-то
Я тебя, а может быть – себя.
За меня с нелепых крыш покатых
Тихо-тихо плакала вода.

Видно, был я молодым и глупым,
Чтоб узнать пришедшую любовь.
Где ж теперь найти такую лупу,
Чтоб твоё лицо приблизить вновь.

«Кострами пахнет по весне...»

Кострами пахнет по весне,
Листвою прелой и корою,
И незнакомою второю
Любовью пахнет по весне.

Любовью пахнет по весне.
Сам воздух нежностью пропитан,
А в роще каждая тропинка
Любовью пахнет по весне.

«И солнце займёт небосклон, и луна...»

И солнце займёт небосклон, и луна
оставит его, чтобы стала видна
огромная синь в оба глаза охватом,
чтоб к вечеру, словно гигантским ухватом,
рогатою радугой
ставить на стол
негаданной радости
полный котёл!

Молодое вино (Из Юлиана Филипа)

Кончается сбор винограда.
Уходят усталые люди,
бросая последние взгляды
к холмам, где их долго не будет.

Всё дальше, всё меньше их лица.
А здесь, за туманов печатью,
пустым виноградникам снится
извечная тайна зачатья.

Но, жизни исполнены слишком,
они одаряют при этом
забытою гроздью – мальчишек,
забытою грустью – поэтов.

И каждый уходит с наградой
познания маленьких истин —
налитых теплом виноградин,
отлитых усердием листьев.

Когда ж забродившие соки
заторкаются в чреве кружев
и лист тополиный засохнет
и в танце смертельном закружит,

поэты, печальны и строги,
подняв обожжённые чаши,
промолвят тягучие строки
о вкусе и запахе счастья,

о том, что обманчива сладость
вина после тяжкой работы
на сборе плодов винограда,
вспоённого горечью пота...

Ленинградские наброски

Как жёлто в Александровском саду.
Желтеет вечер, мой товарищ мрачный.
Ах, милый мой, ведь ты уже не мальчик —
к чему нам вновь испытывать судьбу.

В угрюмом Александровском саду
желта, как сон, Адмиралтейства буква,
былой столицы каменные букли
её в своём заглавии несут.

Нева к заливу ближе солона.
Так Август, переполненный печалью,
перестает быть августом в начале
сползающихся с моря холодов...

Я с нежностью гляжу в тот август – осень,
когда на травах по утрам не росы,
а россыпь влажности на грани ста процентов,
и мир похож на мокрую плаценту,
привязанную к Солнцу пуповиной.
Его лучи единственно повинны
в существовании жизни на Земле.

Отречение

М. Ц.

Что мне до ваших мук,
Когда своим не внять.
Не вынуть. Не унять.
Не придушить в себе.

Что мне до ваших бед!
Когда моя беда,
Как полынь-лебедя,
Заполонила свет.

И что мне за печаль
Разламывать печать
На вверенном письме,
Коль никогда не сметь
Расхристанным устам
Дотронуться креста!

Возвращение

Балаганчик закрой.
Жёлто-синий души балахончик
Застегни на все пуговицы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.